

«Сундук, полный людей» – так назвал знаменитый сундук, где хранилось всё огромное наследие Фернанду Пессоа, итальянский исследователь Антонио Табукки, так он назвал и свою книгу [Tabucchi, António, 1990]. Русский читатель уже хорошо представляет себе, что архив Пессоа, в котором хранятся многочисленные работы его масок-гетеронимов, напоминает искромётный маскарад, тем более что и одно из значений самой фамилии Пессоа – маска. Ситуация осложняется тем, что в текстах Пессоа отсутствие имени автора – это правило, а не исключение.

Известно, что Пессоа выдумал не менее 136 авторов-фикций, творения которых он подписывал редко. Это можно объяснить тем, что Пессоа не всегда окончательно определял авторство своих текстов. Именно по этой причине отдельные его тексты имеют «миграционный характер»: кочуют из одного издания произведений Пессоа и/или его гетеронимов в другое («Косой дождь», «Белый дом, чёрное судно»). Неоднократно то или иное стихотворение, к примеру, переходило из сборника произведений Алвару де Кампуша в сборник Рикарду Рейша или самого Пессоа. Исследовательская работа в этой области не закончена, критики пытаются выработать адекватные критерии, помогающие определить, кому принадлежит та или иная вещь. Об этом можно прочесть в статьях Джеронимо Пизарро, профессора университета в Венесуэле, крупнейшего современного исследователя испанской и португальской литературы, одного из организаторов книги Фернанду Пессоа «Я сам – антология» [Jerónimo Pizarro, 2013].

Сам Пессоа писал о своих гетеронимах так:

Есть случаи в моём различении одних от других, какие ложатся, как бремя, на мой духовный рассудок. Отличить какую-то музыкальную композицию Бернарду Суареша от моей композиции на ту же тему... Есть моменты, в которые я делаю это внезапно и с таким совершенством, какое меня изумляет; и изумляет не из-за нескромности, а потому, что не веря ни в какую малость человеческой свободы, я удивляюсь тому, что

происходит во мне, как удивлялся бы, если бы это происходило с другими, с чужими.

Только сильнейшая интуиция может быть компасом в целинных землях души; только одно чувство, использующее разум, но не отождествляющееся с ним, хотя и соединяется с ним в этом, – может отличить эти фигуры из мечты – во всей их реальности – одну от другой. («Книга Непокоя»).

Но сегодня я хочу рассказать не об этих загадках, во многом обуславливающих неутраченный интерес исследователей к творчеству Фернанду Пессоа – гения португальской литературы. Есть и другая не менее интересная вещь, вытекающая из вышеуказанных предпосылок, а также из того, что Пессоа занимался и переводческой, и издательской деятельностью. Это явление «фальшивой гетеронимии»: авторство Пессоа было ошибочно приписано многим текстам, это касается произведений Оскара Уайльда, Рауля Леала, нашего соотечественника Элиазара Каменецкого и др.

Но, пожалуй, наиболее интересна история, приключившаяся с португальским писателем Куэлью Пашеку. Его подлинное имя более 50 лет считалось именем полу-гетеронима Фернанду Пессоа.

Ещё в прошлом веке, в 1989 г. вышло второе расширенное издание антологии произведений Пессоа и его масок-гетеронимов: Пессоа, Фернандо. Лирика/ сост. Е. Витковского; предисл. Е. Рязовой. – М.: Художественная литература, 1989. – 303 с. В эту антологию был включён перевод Е. В. Витковским поэмы Куэлью Пашеку, под названием «За пределом других океанов». В первом издании антологии (1978 г.) этого перевода ещё не было. В книге пояснялось, что это поэма ещё одного гетеронима-маски Пессоа.

Мы ни в коем случае не можем обвинять составителей антологии в некомпетентности. Ошибка была допущена португальскими издателями, на время составления Е. В. Витковским антологии (и ещё в течение длительного периода после) в существовании этого гетеронима были убеждены и португальские филологи. Только недавно

появились статьи португальских и др. исследователей, посвящённые этому «фальшивому гетерониму». Но русский читатель и до сих пор уверен, что Куэлью Пашеку (в антологии 1989 г. он назван Коэльо Пашеко) – полу-гетероним Пессоа. Так утверждают антология «Фернандо Пессоа. Лирика», все виртуальные библиотеки, где есть эта книга, литературный портал «Мир поэзии» и другие источники.

Итак, вся эта история началась в те дни 1915 г., когда готовился к выпуску 3 номер журнала «Орфей», считающегося родоначальником португальского модернизма. Как известно, этот номер не был опубликован при жизни Пессоа, отец друга Пессоа, поэта и прозаика Мариу де Са-Карнейру, отказался спонсировать этот номер, но сама идея его публикации не покидала Пессоа до конца жизни. Несколько раз он объявлял о скором выходе в свет «Орфея-3». В письме художнику Санта-Рита Пинтору (1889-1918), который принимал горячее участие в проектах возрождения «Орфея», Пессоа писал:

«Впрочем, «Орфей» не умер. «Орфей» не может умереть. В мифах древних, какие мой действительно языческий дух никогда не устаёт вспоминать в виде сверкающих, точно звёздное небо, образов, есть одна история о реке, чьё имя помнится мне смутно, которая на одном из отрезков её течения исчезает в песке. По видимости мёртвая, эта река, тем не менее, несколькими милями дальше, снова появляется на поверхности и продолжает свой путь к морю. Хотелось бы, чтобы так было – в самом худшем из возможных случаев – с журналом сенсационизма «Орфеем» («сенсационизм» – одно из литературных направлений, разрабатываемых Пессоа в течение некоторого времени)» [Pessoa Fernando, 1915].

Третий номер журнала «Орфей», компилированный Арналду Сарайвой по материалам Пессоа, был опубликован только в 1984 г. Но поэма «За другим океаном» (так точнее переводится её название – «Para Além d'Outro Oceano») впервые была опубликована в Португалии в 1953 г. в книге «Неизданные поэмы, предназначавшиеся для журнала «Орфей» №3» [PESSOA Fernando, 1953] с предисловием Адольфу Казайш Монтейру (1908 – 1972) – поэта, переводчика, литературного критика, одного из первых исследователей творчества Пессоа. Монтейру немного знаком русскому читателю по фрагментам его переписки с Пессоа [например, Федоровская О. В. Поэтический мир португальского символизма 1999: 9;

Клочковский Г. 2015:35; Фещенко-Скворцова И., 2016:137]. Несмотря на то, что поэме предшествовало название «Заметки К. Пашеку», она была представлена как одно из неизданных произведений ещё одного полу-гетеронима Пессоа.

В 1960 г. издательство Агилар (Aguilar) в Бразилии опубликовало книгу «Поэтические произведения Фернанду Пессоа», издателем была известная исследовательница творчества Пессоа, пионер в деле публикации его работ, Мария Алиете Гальбш. В эту книгу была включена и поэма «За другим Океаном». В примечаниях исследовательница указывала, что поэма была предназначена для третьего номера «Орфея» и посвящена памяти Алберту Каэйру – маске-гетерониму Пессоа. Также было сказано, что в заметках Пессоа к оглавлению «Орфея» автором поэмы назван Куэлью Пашеку, при этом комментировался этот факт следующим образом: Пашеку – это эпизодический гетероним Фернанду Пессоа, нет сведений о каких-либо ещё его произведениях. С этого момента и до 2011 года, когда в виртуальном португальском журнале «Модернист», публикуемом Институтом Исследований Модернизма, вышла статья Терезы Риты Лопеш, озаглавленная «Каждому – своё» [Lopes, Teresa Rita, 2011 a], – Куэлью Пашеку считался полу-гетеронимом Фернанду Пессоа.

Но сомнения существовали. В первом томе «Произведений Фернанду Пессоа» – подборки, изданной в 1986 г. (издатели – Антониу Куáдруш и Далила Перейра да Кошта), – в главе «Поэзия одного полу-гетеронима», где речь идёт как раз об этой поэме, было высказано предположение, что это может быть реальный автор, там более, что семья Куэлью Пашеку была хорошо известна в Лиссабоне. «Но в таком случае, почему же автор уже не признался?» – задаёт вопрос издатель. Автор к тому времени уже умер: Пашеку скончался в 1951 г., задолго до публикации его поэмы. Другие португальские и бразильские филологи также неоднократно высказывали предположение о том, что Куэлью Пашеку был реальным автором, а не очередной маской Пессоа. Мануэла Паррейра да Силва, когда занималась изданием корреспонденции Фернандо Пессоа, его неизданных писем [Pessoa Fernando, 1996], нашла одно письмо, подписанное Куэлью Пашеку, который благодарил Пессоа за подаренный ему экземпляр «Послания» и вспоминал с ностальгией о временах «Орфея». В то время Мануэла Паррейра да Силва и Тереза Рита Лопеш уже склонялись к исключению поэмы из наследия Пессоа, но ещё не имели доказательств ни принадлежности поэмы Куэлью, ни того, что она не принадлежала перу самого Пессоа.

Тереза Рита Лопеш связалась с дочерью Куэлью Пашеку – Марией Эленой Пашеку Фигейроа Регу. К сожалению, та ничего не знала

о литературной деятельности своего отца – предпринимателя, подвизавшегося в автомобильной индустрии. В её распоряжении были только несколько шуточных стихотворений, посвящённых жене Куэлью Пашеку.

В 2007 г. вышеупомянутая Мария Алиете Гальош в статье под названием «Руки, которые писали» [Galhoz, Maria Aliete, 2007], отметила, что приписывание поэмы «За Другим Океаном» перу Фернанду Пессоа было ошибочным. Но доказательств ещё не было, и Мануэла Паррейра да Силва в своей заметке о Жозе Куэлью Пашеку для «Словаря Фернанду Пессоа и Португальского Модернизма» отметила, что сомнение продолжает существовать.

В этом же 2007 году Ана Рита Палмейринь, внучка Жозе Куэлью Пашеку, принесла Терезе Рите Лопеш рукопись поэмы «За Другим Океаном». Она принесла также в старой кожаной папке деда, с выгравированными на ней инициалами автора, другие стихотворения Пашеку. Среди них сонет «В бреду», датированный 10.03.1914, двумя днями позже знаменитого «Триумфального дня» Фернандо Пессоа [Фещенко-Скворцова И.: 232-243]. В это время Пессоа вместе с Мариу де Са-Карнейру уже организовал небольшой литературный кружок, который, вероятно, посещал и, на то время ещё двадцатилетний юноша, Жозе Куэлью Пашеку. Примерно в то же время Пашеку сотрудничал как один из издателей в журнале «A Renascença» («Возрождение»). Он опубликовал в этом издании свои сочинения «Его дневник» и «Зизи» под псевдонимом «Лине». В том же журнале Пессоа опубликовал свою поэму «Болота» или «Топпи», которая дала название литературному направлению, разрабатываемому Пессоа в течение определённого времени – «паулизму» («raul» – болото звучит по-португальски «паул»).

Сонет Куэлью Пашеку «В бреду»¹:

*Точно труп холодный
лёг на стол остывший,
Медиков добыча в морге опустелом –
Так свою же душу зрю над бранным телом
Жалкой и озябшей, мёртвой и бескрылой.*

*Зрю её безмолвной, окружённой тайной,
Сам же бьюсь в оковах тёмной лихорадки,
Вижу саван бледный, теней абрис шаткий
Там, в пустой могиле,*

там, во тьме бескрайной.

*Вижу чей-то облик и – мороз по коже:
В приступе озноба на фигляра схожий.
Искажён проказой и неверный светом,*

*Льнёт к душе недвижимой
поцелуем смрадным...
Зрю, и нет предела мукам беспощадным:
Узнаю себя я в жутком теле этом.*

Автор этого сонета не придерживается канонической формы рифмовки – использования одинаковых рифм для обоих катренов. Размер этого сонета (как и другого, также сохранившегося в папке Пашеку) – двенадцатисложник (шестистопник), разделённый цезурой. По своему стилю и языку он напоминает некоторые поэтические и прозаические творения Мариу де Са-Карнейру, а также бредовые видения поэм Алвару де Кампуша – одного из гетеронимов (масок) Фернанду Пессоа.

Интересной загадкой для будущих исследователей творчества Пашеку (надеюсь, что они появятся, потому что этот поэт заслуживает внимания) может стать одна из рукописей, сохранившихся в кожаной папке, архиве Куэлью Пашеку. Это автограф Фернанду Пессоа – один из сонетов цикла «Крестный путь». На этом листке, сверху, видимо рукой Пашеку, сделана надпись «Два сонета». Исследовательница Тереза Рита Лопеш высказала предположение, что сонет Пашеку «Потерпевший кораблекрушение», датированный 11 марта 1915 г. и также найденный в его папке, составлял пару к этому сонету Пессоа, видимо, эти два сонета должны были публиковаться вместе, но где именно, в каком издании – остаётся неизвестным. По мысли португальской исследовательницы, сонет Пашеку «Потерпевший кораблекрушение» по своему стилю наиболее приближался к требованиям поэтики паулизма, которую в то время пытались провести в жизнь Пессоа и Са-Карнейру. Этот сонет Пашеку отвечает самым строгим требованиям рифмовки. Вот эти два сонета:

Ф. Пессоа

Сонет из цикла «Крестный путь»

*Сияют украшения кинжалов...
Опалесцирую из глубины,
Как те, что лишь в себя и влюблены,
Но чтят алтарь
среди штормов и шквалов...*

*Интимное молчание опалов –
Огонь в мерцании голубизны...
Пути моей мечты, они полны
Свободным временем, простором залов.*

*Торжественное шествие вдали,
И люди, в звоне копий узнавая,
Что там король, молитвы вознесли,*

¹Все приведённые переводы сделаны автором статьи.

Аплодисменты, радость их живая...
И на клавиатуру отдохнуть
Ложатся руки, не окончив путь...

К. Пашеку

Потерпевший кораблекрушение

Хочу я утонуть
в бесчувственной стихии,
От ярости спасись, от вала водяного,
Уже иду ко дну, но, грозные, лихие,
Подхватят волны вмиг,
меня поднимут снова.

Сияющий простор, как чары колдовские,
Пьянит меня, и вот – разрушена основа
Моих упорных дум...
лишь миражи морские.
Смотрю – и слепну я от света голубого...

И отведу глаза, и вижу еле-еле:
Кольшет море труп,
он весь закутан в пену,
И узнаю себя я в этом мёртвом теле.

Упорствует во мне сомнение... и вторя
Волнам, кружится труп,
но, не подвержен тлену,
Пронзает дали взор,
теряется в просторе...

Хотя среди поэтического наследия Пашеку встречаются и такие достаточно сложные стихотворные формы, как сонеты, совершенно очевидно, что он предпочитал вольный стих – новое явление для того времени, стих, приближающийся к прозе и благоприятствующий более точному и свободному выражению мыслей. В этом он, конечно, следовал за Фернанду Пессоа.

Есть в кожаной папке, среди его рукописей, лист с текстом, который Тереза Рита Лопеш называет в своей статье «мышлением вслух». По её мнению, стиль этой вещи напоминает нам Альберту Каэйру, который также с достаточной долей пренебрежения относился к «коридору, ведущему от мышления к словам». В то же время этот фрагмент очень похож на монологи Алвару де Кампуша (также маски Пессоа), характеризовавшиеся самим Кампушем как речи безумца.

Идея, какую имею о пространстве
Это что пространство не может иметь
ни одной идеи его объясняющей
И не могу вообразить что оно
может быть нематериальным
Потому что тогда я должен понять его
Это болезненно для меня
Быть обязанным использовать
обычные для всех слова

Я чувствую себя таким счастливым
когда черчу на бумаге
Неразборчивые каракули
которые никто не понимает
Я никогда не пытался узнать
понимаю ли я их сам
Мне это не нужно ведь мне достаточно
Чувствовать себя счастливым
оттого что другие их не могут
прочитать
Когда я пишу буквы эти буквы
Вспоминаю одного гениального рабочего
Будто он должен был конструировать
в чужих
мастерских
свои машины назначение которых
было неизвестно
Я тоже чувствую что мне не хватает
возможностей выражения
мыслей
Как ему видимо не хватало инструментов
Порой у меня возникают
такие крошечные идеи
что я не успеваю их
понять
и позволяю им убежать.
Как можно считать какую-то идею
странной
Если мысли отличаются только размером
Есть только одна вещь
какую я хотел бы знать
И не зная о ней я вынужден сомневаться
Это то незнание в котором я живу
Как если бы была связь
между моими мыслями о себе
И появлением этих мыслей
написанных будто другим человеком

По мнению Риты Лопеш, это отдельное стихотворение. Но, если внимательно посмотреть факсимиле – приложение к её статье «Каждому – своё» – лист, на котором написан этот текст, очень похож на листы с фрагментами рукописи «За другим океаном». Бумага того же качества (с характерными пятнами, характеризующими её текстуру), по всей вероятности, это листки одного и того же блокнота. Вероятнее всего было бы предположение о том, что этот текст является одним из фрагментов той же поэмы, по какой-то причине исключённым Куэлью Пашеку из готовившегося к печати в третьем номере «Орфея» материала. Вполне возможно, что написано это в 1916 году, а в марте этого года у Пессоа впервые проявился феномен «автоматического или медиумического письма». Было ли это стихотворение навеяно одной из бесед с Пессоа или у Пашеку этот феномен также проявился – об этом можно только строить предположения. В конце этого фрагмента автор создаёт очаровательный оксюморон: он хочет знать только одну вещь, и эта вещь – его незнание.

Пожалуй, этот парадокс ничем не хуже многочисленных парадоксов, рассыпанных в стихах и в прозе Пессоа, признанного «закройщика парадоксов». И ещё: в последних строках Пашеку явно поднимает вопрос о гетеронимии, о Другом. Ниже я расскажу об этом подробнее в связи с другим фрагментом поэмы «За другим океаном».

Что мы знаем о Куэлью Пашеку? Пожалуй, полнее всего о своем деде написала в статье «За недоразумением» Анна Рита Палмейринь [Ana Rita Palmeirim, 2015]. Начало названия статьи по-португальски звучит, как название поэмы Пашеку: «Para Alem» dos eguivocos» (напомню, поэма Пашеку называется «PARA ALÉM D'OUTRO OCEANO»).

Жозе де Жезуш Куэлью Пашеку родился в Лиссабоне 27.05.1984 и здесь же скончался 15.11.1951. Он был племянником, по материнской линии, одного из друзей Пессоа – Жералду Куэлью де Жезуш, горного инженера, директора газеты «Acção» («Действие»), которая проводила политику Сидо ниу Па йша, известного политического деятеля Португалии, в 1917-1918 гг. бывшего её премьер-министром. Пессоа сотрудничал в этой газете.

Жозе Куэлью учился в одном лицее с другом Пессоа – Мариу де Са-Карнейру, бывшим на 3 года моложе Куэлью. Затем он обучался в высшем техническом институте, но был призван в армию, не успев его окончить. Куэлью страстно увлекался всем новым: он сотрудничал с пионерами авиации в Португалии, занимался фотографией, автомобилями. Имел свою небольшую фирму по продаже машин в Лиссабоне на площади Браамкамп. В 1919г. Куэлью Пашеку совершил путешествие из Парижа в Лиссабон за рулём шевроле. Но, наряду с другими увлечениями, для него всегда существовала и литературная деятельность: собственное творчество и занятие переводом. Один из романов Жюля Верна, переведённый Пашеку, долгое время переиздавался в Португалии.

Имя Пашеку появилось в переписке Пессоа в 1913 г. В дневнике Пессоа за 1913 г. также содержатся записи, касающиеся встреч и бесед с Пашеку, есть запись и о том, как 31 марта они вместе совершили поездку на автомобиле Пашеку марки шевроле. Это наводит на мысль о поэме гетеронима Пессоа Алвару де Кампуша «За рулём шевроле на дороге в Синтру...», написанной в 1928 г.:

*На дороге в Синтру, в лунном свете,
в печали перед полями и ночью,
Управляя шевроле, безутешно одолженным,
Теряюсь на будущей дороге,
прячусь в покрытое мной расстояние,
И, охваченный желанием,
пугающим, внезапным,*

*бурным, необъяснимым,
Ускоряю движение...
Но сердце моё осталось на груди камней,
которую я объехал, видя и не видя,
У двери лачуги,
Моё пустое сердце,
Моё неудовлетворённое сердце,
Моё сердце, более человеческое, чем я,
более правильное, чем жизнь.*

*На дороге в Синтру, почти в полночь,
за рулём в лунном свете,
На дороге в Синтру, какая усталость
от собственного воображения,
На дороге в Синтру, всё ближе к Синтре,
На дороге в Синтру, всё дальше от меня...*

Пессоа упоминает об этой поездке и в «Книге непокоя»: «Мудрец – кто ведёт монотонное существование, ведь тогда каждое маленькое происшествие оборачивается чудом... Кто никогда не покидал Лиссабона, путешествует в бесконечность в экипаже до Бенфики, а если однажды поедет в Синтру, чувствует себя так, будто побывал на Марсе».

Выше уже говорилось о сотрудничестве Куэлью Пашеку с журналом «A Renascença» (1914 г.), где Пессоа опубликовал свои первые «взрослые» стихи, где печатались многие будущие авторы «Орфея». Позже Жозе Куэлью Пашеку появляется в записях Фернанду Пессоа как автор будущего 3 номера «Орфея», а также о нём говорится как об авторе поэмы «Я без меня», предназначенной для предполагаемого журнала «Европа».

Поэма «За другим океаном» была написана, очевидно, между 1914 и 1915 гг. Она состояла из отдельных тематических фрагментов – рассуждений автора о сущности жизни в различных её проявлениях – пространственно отделённых друг от друга и в рукописи, и в тексте, подготовленном для «Орфея» №3. Этот текст содержит приблизительно 1750 слов. В «кожаной папке» Куэлью Пашеку были найдены не вошедшие в эту публикацию части поэмы, видимо исключённые автором при подготовке подборки фрагментов для «Орфея»-3, это ещё около 2250 слов.

Поэма, после её публикации под именем гетеронима Фернандо Пессоа, была высоко оценена литературными критиками. В 1976 г. Гашпар Симойш [João Gaspar Simões, 1976] отмечал в ней черты сюрреализма: до-логика или пред-логика, язык, свободный от пут контекста, игра случайностями, мистицизм, иррациональность, совмещение и примирение противоречий. Читатель может подумать, что на мнение критиков повлиял ореол вокруг имени Пессоа. Но так ли это?

Надо отметить, что во многих фрагментах поэмы Пашеку чувствуется влияние

Пессоа – самого Фернанду и его масок-гетеронимов. В некоторых фрагментах мы можем почувствовать настроения и пейзажи первого опубликованного при жизни Пессоа отрывка будущей «Книги непокоя» Фернанду Пессоа / Бернарду Суареша: «В лесу отчуждения» (опубликован автором в журнале «Águia» в 1913 г.). Вот этот отрывок поэмы Пашеку:

*В аллеях других парков
шагая по сухим листьям
Я мечтаю порой что существую для себя
и должен жить
Но никогда не исчезает
этот взгляд на себя как на иллюзию
Потому что в конце концов
вижу себя на аллеях этого парка
Шагающим по сухим листьям
слушающим меня
Если бы я хоть мог слышать
шуршание сухих листьев
Не под своими ногами
или пусть бы они меня не видели
Но сухие листья всё так же кружатся
а я должен идти по ним
Если бы хоть во встречном ветре
я обрёл себе другого как и все люди*

В этом фрагменте наиболее интересно утверждение о «другом». У читателя создаётся впечатление, что автор этого фрагмента – не живой, реальный человек, а маска, литературный персонаж, гетероним. Это alterego Куэлью Пашеку. Он жаждет обрести другого, вероятно этим «другим» является сам Пашеку. Вот такое интересное решение проблемы взаимоотношений автора и его маски предлагает Куэлью Пашеку.

Другой фрагмент поэмы напомнит читателю оды Алвару де Кампуша, (морского инженера – маски Пессоа), восторгавшегося современной техникой и воспевавшего её:

*Моё мышление работает бесшумно
Так нежны обороты смазанного механизма
И я доволен остаюсь я неподвижным
Чтоб не нарушить равновесие
потребное рассудку
Предчувствую лишь так приходит
ясность мыслей
Но я движенья их сторожкого
не слышу в тишине
Подобного движенью
приводных ремней машины
А слышно лишь скольжение частей
рабочих
Порой я вспоминаю что другие
должны бы чувствовать подобно
Но говорят что голова болит
и головокруженье
Воспоминанье это возникает*

*как могли другие возникать
О том что люди
этого не чувствуют скольженья
А значит и не думают о нём*

Честь первого перевода на русский язык этой поэмы принадлежит, как я уже упоминала, известному переводчику Е.В. Витковскому. Надо отметить, что значения слов и целых фраз поэмы часто так странны, так окутаны тайной, мистерией, что не только позволяют читателю с помощью собственного воображения дополнять работу писателя, но, кажется, даже подталкивают его к этому. Поэтому многие фрагменты поэмы можно было бы перевести совсем по-иному, чем это было сделано первым её переводчиком. Вот, например, как мне представляется перевод первого из отобранных для публикации в «Орфее-3» отрывков этой поэмы (его перевод Е. Витковским можно найти в вышеупомянутой антологии произведений Ф. Пессоа):

*В горячке в бреду бытия
за другим океаном
Феномены жизни яснее и чище казались
И город существ открывался
Реальных возможных но их чистота
нагота освящала
Был входом я сам
для языческих этих видений
и чувствовать только желал
И явленье вещей вне себя вещь в себе
содержало внутри
Жили общию жизнью создания эти
Чувства их вытекали из образа жизни
Но их лица спокойные
кротость росы отражали
Нагота как молчание форм
не обретших различий
Изумляло как может действительность
быть только этим
Но та жизнь вправду жизнью была
только жизнью была*

На мой взгляд, именно так надо понимать замысел Пашеку в этом фрагменте – зачине поэмы. Скорее всего, рисуя этот «земной рай», автор имеет в виду народы, населявшие открытые португальскими первооткрывателями земли. При этом реальные люди и их жизнь так преображаются фантазией писателя, что читателю видятся уже не земли за другим (Индийским? Тихим?) океаном, но Другой мир, Другое измерение. Идеализируя эти племена и их образ существования, автор любителю первобытной простотой отношений, чистотой и кротостью этих «дикарей», их жизнью в сообществах, где нет места европейскому индивидуализму. Невольно вспоминается «Морская Ода» Алвару де Кампуша, героиней которой – одновременно и отважные первооткрыватели, ежесекундно рискующие

жизнью в суровых испытаниях, и жестокие, и кровожадные пираты, грабившие и убивавшие этих «дикарей» ради наживы и даже просто, чтобы весело провести время:

Парни,
грабившие тихие африканские племена,
Вы, грохотом орудий
обращавшие в бегство эти народы,
Вы, пытавшие, отнимавшие имущество,
убивавшие, вы, кто получали
Призы Первооткрывателей,
вы, кто, нагнув голову
под ударами ветра,
Пробивался к тайнам новых морей!
Эй-эй-эй эй-эй!

(Алвару де Кампуш «Морская Ода»
в переводе И. Феценко-Скворцовой).

Фрагмент «В горячке, в бреду бытия за другим океаном» обнаруживает глубокий интерес автора к философии, особенно к философии Канта и неокантианству, к учению о явлениях или феноменах, чувственно воспринимаемых вещах, и ноуменах, непознаваемых «вещах в себе». В этом автор следует за своим кумиром и учителем – Фернанду Пессоа. Как и Пессоа, Пашеку любит создавать оксюмороны. Как известно, согласно Канту, опыт никогда не даст познания природы вещей самих по себе. Но в городе из поэмы Пашеку «явление вещей вне себя – вещь в себе содержало внутри».

Не менее интересен следующий отрывок, в котором автор в духе сюрреализма разрывает обыденные представления:

Моя материальность часто для меня
причина огорчений
Я знаю я всего лишь вещь
и от вещей не отличаясь
Я знаю что должны они считать меня
лишь вещью заурядной
А если так – то думать не могу
лишь полагать что мыслю
И нравится мне придавать себе
такой характер

Многие из тех отрывков, которые автор не включил в материал, отобранный для «Орфея», не менее интересны, они ещё никем не переводились:

Я порой говорю и не слышу что я говорю
И тогда мне случается не различать
Когда говорю и когда сохраняю молчанье
И тогда услыхав
что другие со мной говорят
Сомневаться я буду
не я ль говорю их устами
.....

Завтра я утрачу знание о том
что сегодня
Это день у которого должно быть
потом
завтра

Есть особый язык
произносящий в душе эти вещи
И его я не могу прикусить
как тот что у меня во рту
Обращаюсь к себе
и вижу себя будто в зеркале
Но повёрнутом наоборот.

Иррациональность, использование
софизмов – преднамеренных, сознательных
нарушений правил логики – мы видим в
следующих двух фрагментах поэмы:

Шедевр остаётся ещё и каким-то
произведением
И поэтому любое произведение
есть шедевр
Если этот вывод ошибочен
не ошибочно моё желание
Чтобы он действительно
был правильным
И для хода моих мыслей
этого достаточно

Второй отрывок охваченным кругом представлений и стилем письма напомнит гетеронима-маску Пессоа Алберту Казэйру, его поэтические фрагменты, объединённые в поэму «Охранитель стад» (её перевод есть в антологии, составленной Е. Витковским):

Гурт овец в самом деле печальная вещь
Потому что нельзя с ней связать мысли
те что совсем не печальны
И ещё потому что так есть,
только лишь потому что так есть,
потому это правда
Что должны невесёлые мысли
связать мы с овечьей отарой
Вот по этой причине
и только по этой причине
действительно овцы печальны.

А вот этот отрывок, на мой взгляд, вполне достоин того, чтобы под ним поставил подпись сам Фернанду Пессоа, а не его «фальшивый гетероним» Куэлью Пашеку: снова оксюморон, тонкая игра словами, снова ярко проявились идеи неокантианства, так характерные и для Пессоа:

Чувствовать поэзию означает
в переносном смысле жить
Я не чувствую поэзии
не потому что не знаю
что она такое
Но потому что не могу жить
в переносном смысле

А если бы мог пришлось бы мне искать
другой способ самоорганизации
Поэзия существует лишь для того
кто не знает как она чувствуется
Есть красивые вещи красивые в себе
Но внутренняя красота чувств
отражается в вещах
И если они красивы
мы их не можем чувствовать

Трудно сказать, какие возможности унёс с собою этот поэт, что он смог бы подарить читателям, если бы посвятил всю свою жизнь литературному творчеству, отрекаясь от других насущностей и радостей жизни, как это делал Фернанду Пессоа. Но и то, что оставил Куэлью Пашеку, заслуживает внимания исследователей, так недавно получивших эту «кожаную папку» – небольшой архив, начало, не имевшее продолжения. Будем надеяться, что это начало даст Пашеку право войти в историю португальской литературы одним из «звёздного содружества», среди которого яркий блеск гения Пессоа всё же позволяет разглядеть оригинальность и самобытность других талантов.

Литература

Алвару де Кампуш: *AlterEgo Фернандо Пессоа. Перевод с порт., вступление и примечания Ирины Феценко-Скворцовой // Новый мир, 2016, №8. С. 136 – 145.*

Литературный портал «Мир поэзии» Пессоа Фернандо Лирика
<http://mirpoezylit.ru/books/7544/9/>

Клочковский Г. Мистификационный импульс Фернанду Пессоа // Гвидеон, 2015, 12/13. С.31-40.

Поэтический мир португальского символизма: Гомеш Леал, Эужениу де Камтру, Камилу Песанья Автореф. диссерт. канд. филолог. наук Федоровской О.В. Научная библиотека диссертаций и авторефератов. М, 1999. С. 9.

<http://www.dissercat.com/content/poetiche-skii-mir-portugalskogo-simvolizma-gomesh-leal-euzheniu-de-kashtru-kamilu-pesanyia#ixzz4dleXk19u>

Феценко-Скворцова И. Триумфальный день Фернандо Пессоа // Иностранная литература. 2015. № 7. С.232-242.

Ana Rita Palmeirim. “Para Alem” dos equívocos – 100 Anos de Orpheu, 2015.
orpheu.ccems.pt/userfiles/File/Ana_Rita_Palmeirim.pdf

Eu Sou uma Antologia. 136 Autores Fictícios. Fernando Pessoa, Patricio Ferrari e Jeronimo Pizarro. Tinta da China, 2013.

Galhoz, Maria Aliete. “O equívoco de Coelho Pacheco”, *As Mãos da Escrita*. Lisboa: Biblioteca Nacional de Portugal, 2007. Pp. 374 – 377.

Jerónimo Pizarro. *Clearly Campos? Sobre a Atribuição Literária*. *Caderns de Literatura Comparada*, 2013, nº 28. Pp. 39-58.

João Gaspar Simões. *Perspectiva Histórica da Poesia Portuguesa*. Brasília, 1976.

Lopes, Teresa Rita. «O seu a seu dono». *Lisboa: Jornal de Letras, Artes e Ideias*, 2011a, nº 1058, 20 de Abril a 3 Maio. Pp. 10-11.

Lopes, Teresa Rita. *Pessoa desapossado de Coelho Pacheco*. Lisboa: *Modernista – Revista do Instituto de Estudos Sobre o Modernismo*, 2011b, vol.I, nº1, Pp. 117 – 127.

Lopes Teresa Rita. *DESASSOSSEGOS PESSOANOS*. *Comunicações do III Congresso Internacional*. Lisboa. Fernando Pessoa, 2013.

Pessoa Fernando. Carta a Santa-Rita - 21 Set. 1915. *Pessoa Inedito*. Fernando Pessoa. (Orientação, coordenação e prefácio de Teresa Rita Lopes). Lisboa: *Livros Horizonte*, 1993. 130 p.

<http://arquivopessoa.net/textos/3944>

Pessoa Fernando. *Poemas Inéditos destinados ao N.º 3 do «Orpheu»*. Com um prefácio de Adolfo Casais Monteiro. Lisboa: *Editorial Inquérito*. 1953.

Pessoa Fernando. *Correspondência Inédita*. Lisboa: *Livros Horizonte*, 1996.

Tabucchi, António. *Un baule pieno di Gente: Scritti su Fernando Pessoa*. Milano: Feltrinelli Editore, 1990.

Zenith, Richard. *A Importância de não Ser Óscar? Pessoa Tradutor de Wilde*. Lisboa: *Egoísta*, numero especial, 2008, Junho. Pp. 30-47.